

На соискание Ленинской премии

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ЖАНРА

Андроникова любят. В этом нет сомнений. Радуетесь, что людей интересует жанр устного рассказа, что они видят тонкость наблюдений автора, понимают его юмор. Искусство Андроникова привлекает внимание самой широкой аудитории. Каждую передачу с его участием ждут. Что-то в его выступлениях получается более удачно, что-то менее. Но это естественно: так бывает у любого творческого человека. Однако каждый его выход на экран заслуженно обращает на себя взоры миллионов.

Творчество Андроникова покоряет тем, что он не только передает внешние черты своих героев, хотя и это угадывается, но, что самое замечательное, проникает в глубины образа, в человеческую суть. Конечно, форма рассказа помогает. Но это бывает не только умилительно, но и точно. Так, как делают большие карикатуристы. Рисунок, например, Кукрыникисы шаржируемого с носом-закорючкой. Не потому, что нос у него действительно такой, а потому, что есть в характере человека этакая закорючка, и никуда от нее не денешься.

Удивляет и восхищает изобразительная сила андрониковских рассказов. Поэтому, он сделал поразительный портрет Алексея Николаевича Толстого. Я вспоминаю литературный портрет работы Бунина, но он, я бы

Писательский талант наряду с человеческой добротой и жизнерадостным юмором, изящный, я бы сказал, озорной артистизм в сочетании с научной дотошностью и серьезностью — все это качества редкие, удивительные. Обладателя этих качеств нельзя не любить. Поэтому-то и любят Ираклия Андроникова огромные массы людей: читатели, слушатели, зрители.

Признаюсь, что принадлежу к армии почитателей таланта Ираклия Андроникова, к ее старейшему, главному отряду. Поэтому предамся воспоминаниям.

...Его появлению в Москве предшествовали слухи из Ленинграда. Говорили, что появился там молодой музыковед, обладающий небывалым даром подражания. Употребляли и менее академическое слово — передразнивание. И передразнивает этот дерзкий человек людей почтеннейших, прославленных, заслуженных. Да так их показывает, что заставляет умирать со смеху, и в первую очередь самих этих показываемых почтенных людей.

И вот, наконец, в московском клубе писателей удалось присутствовать и видеть... Поистине удивительно! Показывал Андроников людей, совершенно на него не похожих: А. М. Горького, А. Н. Толстого, В. Б. Шкловского, В. И. Качалова, А. К. Глазунова, облекая рассказ в форму изящных мемуарных новелл, маленьких литературных портретов, дружеских поэтических пародий. И, что самое удивительное, людей, которых я раньше никогда не видел, не знал, потом безошибочно узнавал по портретам Андроникова.

Первую книгу Андроникова, посвященную Лермонто-

сказал, чересчур острый. А вот у Ираклия Луарсабовича это получилось и иронично, и тонко, и правдиво.

Мне все кажется, что Андроников начал выступать недавно. Потому что многих из тех, кого он показывает, я знал. Но даже тех, кого я лично почти не знал, например Соллертинского, я теперь считаю знакомыми: Андроников представил нам живой образ. А большинство зрителей и слушателей ведь и вовсе не видели изображаемых, но от этого сила художественного воздействия рассказов не становится меньше.

Его искусство своеобразно. Художественное чтение — это одно. А он и автор, и рассказчик, и актер-импровизатор. На телевизионном читает перед глазом камеры, но ведет себя как перед большой аудиторией. Он вдохновляется сию минуту, он заражает вас своим эмоциональным зарядом и, воодушевившись этим, идет дальше.

Интересен он нам и тем, что проникает за рамки профессиональной сферы. Зритель увлекается вместе с ним, следует за ним, чувствуя в Андроникове живость и реальность, свежесть и неординарность, то ироничность, то теплоту и лиричность, и при

этом всегда наблюдательность.

Высоко ценятся и его устные рассказы, и литературные изыскания. Мне кажется, что любовь Ираклия Луарсабовича к музыке, Ленинградской филармонии, даже к самому залу как одушевленному предмету — это удивительно. Его эрудиция, знания, тяга ко всяким видам литературы вызывают огромное уважение.

В своей работе чтеца я делал какие-то поправки с учетом подмеченного у Андроникова. Вот, например, давно идут споры: должен ли рассказчик изображать читаемое, то есть играть, или он обязан академически произносить текст? Когда я слушал Андроникова, исполняющего свои произведения, я думал: а почему нельзя так же, например, читать Чехова или вести повествование от лица Антона Павловича? Почему не представить какой-то образ, не показать героя рассказа? В общем, Андроников натолкнул меня на мысль — не надо бояться некоторой театральности в рассказе. Надо быть читающим актером.

В своей книге «Сам о себе» я уже писал, что Андроников поражал меня еще и

своей деловитостью. Работу он начинал в стиле Маяковского: усаживался, пробовал, крепко ли сидит на стуле, проверял освещение... И в этом не было никакого кокетства с публикой, никакого заигрывания.

Телевидение, с одной стороны, служит исполнителю большую службу, давая за одну встречу такую аудиторию, которой у него не было бы всю жизнь на эстраде, в театре. С другой — оно подчеркивает недостатки, делает их более выпуклыми. Когда появляется «сильная эстрадность», увлечение приемом, стремление делать с нажимом, то это всегда «вылезает» на экране на первый план. Мне кажется, что в последнее время у Андроникова появился чрезмерный профессионализм. Не могу сказать, чтобы это шло ему на пользу.

Но от этого мое мнение, что он непревзойденный мастер своего дела, не меняется. Я хочу пожелать ему быть верным выбранному жанру (а он у него есть — «Слово Андроникова»), расширять тематику, круг своих героев, пожелать дальнейшей творческой смелости. Словом, хочу и в будущем видеть его, с успехом работающим над тем, что близко его душе и признано многочисленным зрителем.

И. ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда.

Ираклий Луарсабович Андроников. В творчестве этого человека счастливо сочетаются совершенно разные профессии: ученого-исследователя и артиста, исполнителя собственных рассказов. Сегодня деятельность Андроникова оценивают его коллеги — актер и искусствовед.

ОТ ЕДИНИЦ ДО МИЛЛИОНОВ

ву, я раскрывал с опаской. Будет ли она серьезной, научной? И с первых же страниц был покорен эрудицией и глубиной, соединением кропотливой детализации с широтой научных обобщений.

Открылся ли мне новый, иной Андроников? Да в том-то все дело, что нет. Научная книга при всей своей педагогической выверенности светилась личным отношением, человеческой любовью автора к объекту исследования, Андроникова — к Лермонтову. В ней был и юмор, и умение подметить неповторимые черточки характера. И тогда я понял: ведь и для легких, шуточных устных рассказов Андроникову нужны были эрудиция ученого, глубокое, научное проникновение в характер, в стиль, в биографию людей.

Что же соединяет серьезность и шутку, науку и пародию, фундаментальность и легкость, искусствоведение и эстраду? И я понял — влюбленность. Всем своим существом, всем своим талантом Андроников влюблен в тех, о ком говорит и пишет. Скажем смелее — влюблен в русскую художественную культуру, в искусство, в творчество.

Шли годы. Круг новых героев Андроникова расширялся. В него входили люди и военных, и мирных профес-

сий. И для всех находились незабываемые характерные черты. А в литературоведческие работы Андроникова входила современность, живая действительность то в виде увлекательного сюжета, то в виде портретных зарисовок. А сколько предисловий, рецензий, юбилейных откликов, отзывов написал Ираклий Луарсабович за эти годы. С какой заботливой добротой он умеет поощрять начинающего, одобрить забытого, прославить открывшего и даже поправить заблуждающегося.

А Андроникова-рассказчика стали записывать на пленку. На целлулоидную — для кино, на магнитную — для радио и телевидения. И здесь-то с особой наглядностью видны все многочисленные таланты и профессии этого удивительного человека. Писатель-драматург создает композицию и текст этих фильмов, артист-рассказчик говорит с нами с экранов, говорит достоверно и увлекательно, с юмором, а порой и грустно, говорит как с единомышленниками, друзьями, объединенными общей влюбленностью.

Кто бы ты ни был — читатель, слушатель, зритель, ты становишься соучастником Андроникова, соучастником дела его жизни. А дело это — пропаганда искусства, распространение любви к

творчеству, к художественности.

Куда только не проникали объективы кино и телекамер вслед за Андрониковым. Как по святым, родимым местам, ходил влюбленный комментатор по залам литературных музеев, с сыновней нежностью прикасаясь к вещам, некогда принадлежавшим русским писателям и поэтам. Он разговаривает с потемневшими портретами, как с живыми и близкими людьми. Он читает стихи наизусть, а порой его разговорная проза поднимается до поэтического пафоса.

А уж где было подлинное празднество музыки — это в Большом зале Ленинградской филармонии! Чайковский и Малер, Бетховен и Шостакович, Шуберт и Брамс в исполнении лучших дирижеров и пианистов последнего пятидесятилетия... С каким трепетом сумел Андроников о них рассказать, воскресить их облик.

Вот я назвал, наконец, эту круглую цифру. А она уже пройдена. Более полувек трудится Ираклий Луарсабович Андроников над пропагандой литературы и искусства. Он учит их понимать, изучать и, главное, любить. И каждое его выступление — устное и письменное, эстрадное и экранное — это объяснение в любви.

Он начал с шуточных подражаний для единиц. Сейчас кино и телевидение дали ему многомиллионную аудиторию. А интимность и проникновенность остались прежними.

Хорошо быть одним из миллионов соучастников Андроникова.

Р. ЮРЕНЕВ,
доктор искусствоведения,
профессор.